

**ЕКАТЕРИНБУРГ — СВЕРДЛОВСК — ЕКАТЕРИНБУРГ:
ОБРАЗ ГОРОДА В ДИНАМИКЕ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

М. В. Голомидова

Уральский федеральный университет
Россия, 620142, Екатеринбург, ул. Чапаева, 16
Поступила в редакцию 09.09.2022 г.
Принята к публикации 15.11.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-2

Статья посвящена отражению образа города в вербальном материале – именах собственных, принадлежащих городским пространственным объектам. Автор опирается на идеи культурно-семиотического подхода к изучению города, на концепции города как текста и палимпсеста и ставит перед собой цель исследовать смысловые изменения в топонимическом тексте Екатеринбурга, рассматриваемом в его исторической динамике. Характеристика основных этапов в модификации топонимического образа уральского города осуществляется через метапонятие «хронотоп». В качестве инструмента собственно лингвокультурологического анализа применяются обобщенные ономастические, семантические модели, или культурно-семантические коды, к которым автор относит ландшафтно-различительный, социально-функциональный и социально-символический. Анализируется специфика реализации культурно-семантических кодов в топонимии (урбанонимии) Екатеринбурга применительно к трем хронотопическим срезам, которые заданы рубежными актами переименования города, – Екатеринбург, Свердловск, Екатеринбург. Выявляются актуальные смыслы в топонимическом портрете города в разные эпохи его жизни. Прослеживаются изменения, которые нарастают в топонимии в рамках одного хронотопического среза и способствуют трансляции части культурного опыта на следующие исторический этап топонимических практик. В образе Екатеринбурга, репрезентированном в его топонимическом тексте, отмечаются черты территориальной идентичности, обусловленные его природно-географическими, хозяйственно-экономическими и социальными факторами.

Ключевые слова: образ города, топонимия, топонимический текст, культурно-семантический код, ландшафтно-различительный код, социально-функциональный код, социально-символический код, топонимический ландшафт, Екатеринбург, Свердловск

1. Введение

Особый портрет города, его особое лингвокультурное «измерение» складывается в собственных именах городских пространственных объектов. Имена улиц, переулков, бульваров и аллей, набережных и площадей, парков и скверов формируют вербальную сеть ориентиров, связанную с общей для жителей информацией о названных реалиях, их соотносительности и топографических свойствах. И в то же время собственные имена репрезентируют коллективные представления о ракурсах интерпретации пространства, которое воспринимается сквозь призму социокультурных координат, значимых для своего времени, для

данной территории и для ее языкового сообщества. Таким образом складывается семиотическая топонимическая среда, коррелирующая как с материальными ландшафтными и архитектурными формами, так и с социальными представлениями, с образами и смыслами, с текстами культуры, живущей в геопространстве. Формируется уникальный топонимический текст в виде сложного знакового «произведения», составленного топографическими именами в их пространственной привязке и социокультурных смыслах.

В своем историческом развитии город неизбежно меняет свою топонимию, и отраженный в ней топонимический образ претерпевает модификацию, наполняясь новыми содержательными акцентами. Несколько перефразируя М.М. Бахтина, который использовал термин «хронотоп» для обозначения пространственно-временной матрицы нарратива, можно сказать, что за динамикой топонимического портрета городской территории просматривается хронотопическое изменение и смена семиотических матриц в топонимическом тексте, который разворачивается во времени. При этом главными вехами изменений могут служить акты переименования самого города.

Если оценивать смену ойконима (имени города) с позиций семиотических трансформаций, то замена напрямую сигнализирует о рубеже между старым и новым. Она символически маркирует начало грядущего этапа, в котором будут заданы ориентиры конструирования обновленной городской социокультурной реальности. Это убедительно показывает, например, финская исследовательница А. Марин при рассмотрении смысловых доминант при переименовании топографических объектов в советском Ленинграде и в постсоветском Санкт-Петербурге (Marin, 2012). Однако нельзя не отметить, что в сложной жизни любой топонимической системы, в том числе системы городской, урбанонимической, акт переименования, хотя и представляет собой радикальный инструмент обновления, тем не менее не является ни единственным, ни исключительным средством развития топонимиконов.

Мы полагаем, что более широкий исследовательский горизонт для рассмотрения топонимического хронотопа в связи с рубежными изменениями ключевых имен города может быть задан сочетанием историко-культурного и семиотического подходов, в русле которого анализируются специфические черты образа города в его исторической динамике через совокупность содержательных и количественных характеристик топонимического материала, через факты не только переименования, но и первоименования.

Топонимия (урбанонимия¹) уральского Екатеринбурга, одного из крупнейших городов России, дает возможность для верификации возможностей такого исследовательского подхода применительно к срезам, которые заданы рубежным переименованием. Подобно Санкт-Петербургу, Екатеринбург был основан в Петровскую эпоху и назван в

¹ Термины «урбаноним», «урбанонимия» в отечественной ономастике принято использовать в отношении разновидности топонимов, имен собственных городских топографических объектов. См.: (Подольская, 1988, с. 139–140).

честь святой Екатерины, покровительницы правящей императорской особы. В советское время он так же, как и северная столица, был переименован по политическим мотивам и назван Свердловском в честь одного из лидеров революционного движения. В конце XX века под влиянием единых для страны политических процессов вновь обрел свое исходное имя Екатеринбург. Сходная траектория в смене имен города заставляет полагать действие неких похожих социально-смысловых установок в трансформации топонимического материала, но в то же время принадлежность Екатеринбурга к особому информационно-культурному фону, названному культурологом и писателем Алексеем Ивановым «уральской матрицей»², закономерно обуславливает предположение о проявлении в топонимическом хронотопе регионально специфических черт уральской идентичности. В своем исследовании мы попытаемся представить топонимический хронотоп в трех основных исторических срезам: Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург, и рассмотреть особенности изменения топонимического портрета города в соотносительности с территориальными социокультурными реалиями,

2. Методология, методы и языковой материал исследования

Семиотическое изучение города как текста в отечественной научной традиции было начато в трудах Тартуской и Московской семиотической школ — в работах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского (Лотман, 1984; Успенский, Лотман, 1976), Вяч. Вс. Иванова (Иванов, 1986), В. Н. Топорова (Топоров, 2003). Доказав свой научный потенциал, текстовый подход получил продолжение в системно-семиотической интерпретации города как сложного и динамичного социокультурного феномена (Анисимов, 2018; Барабошина, 2013; Бурлина 2017; Касаткина, 2015 и др.). Категория текста, в свою очередь, нашла развитие в метапонятии «город-палимпсест» — текст, в котором слой за слоем стирают одни надписи, чтобы нанести другие, причем «более ранняя информация не исчезает бесследно, а как бы просвечивает сквозь новую и ее смысл можно декодировать» (Митин 2008; 2022).

² Продолжая идеи профессора Павла Богословского об уральской «горнозаводской цивилизации», А. Иванов говорит об особой уральской матрице, созданной сопряжением особенностей природно-географической среды, сплава бытующих здесь этнических культур и сформированного в этом сплаве образа культурного героя — человека-мастера, преобразователя среды. «Русские вживались в Урал полтысячелетия. Но и Урал полтысячелетия перековывал пришельцев под себя. Потому что освоение Урала русскими — промышленное, а промышленность требует так организовать жизнь, чтобы приноровить ее к местным условиям... Особая организация жизни влечет за собой и трансформацию жизненных ценностей... Этот местный комплекс представлений можно назвать «уральской матрицей». Матрица — набор характерных способов существования, которые актуальны здесь всегда... Набор параметров местной идентичности» (Иванов, 2022, с. 13).

В лингвокультурологии на понимании города как текста осуществляется в настоящее время изучение языка городского пространства (Булыгина, Трипольская, 2015; Шарифуллин, 2007). В исследованиях собственно топонимических, сориентированных на лингвокультурологический подход, территориальная экспликация топонимических систем получает объяснение в виде «топонимического текста, органично вписанного в контекст духовной культуры народов» (Березович, 1995).

Обращаясь к топонимии Екатеринбурга, мы также будем исходить из общих установлений лингвокультурологии, согласно которым языковые факты рассматриваются в связи с явлениями культуры и трактуются как проявления языкового мироотражения — особой языковой «оптики», в которой язык отражает окружающий мир.

Для того чтобы установить ракурсы представления пространственных объектов в их именах собственных, будет применяться метод ономазиологического, семантического анализа языкового материала с включением приемов семиотической интерпретации. Дальнейшее обобщение сходной мотивировочной информации послужит основанием для выведения культурно-семантических кодов, которые соответствуют аспектам номинативной интерпретации городского пространства. Наконец, исследование динамики кодов в пределах тех или иных хроно-топических срезов в перспективе решения исследовательских задач будет направлено на выведение топонимического портрета города в его развитии.

Материалом исследования являются названия городских объектов, разные по времени образования, они собраны преимущественно по письменным источникам — картам, описям, адресным спискам, справочникам, краеведческим и публицистическим публикациям.

3. Культурно-семантические коды интерпретации топонимического пространства

Если трактовать городское пространство как текст, созданный с помощью знаковых форм, то его восприятие, или «прочтение», происходит в соответствии с определенными культурными стереотипами через вычленение элементов и структур, ответственных за передачу смыслов, и через действие неких общих «правил» истолкования, которые сложились в культуре и известны ее носителям. Таков механизм действия любого культурно-семантического кода, в том числе и реализуемого средствами языка. Топонимические коды не составляют в этом отношении исключения: они основываются на условной связи между формой знака и его содержанием. Здесь под формой будут пониматься элементы внешней структуры топонима (нарицательное слово + индивидуализирующее обозначение), а под содержанием — конфигурация сем, которая создается сочетанием мотивировочной семантики во внутренней форме топонима и его видовой семантики, соотносящей объект с той или иной разновидностью пространственных реалий (улица, площадь, рынок, кладбище, здание / сооружение и проч.).

Учитывая сказанное, можно выделить несколько культурно-семантических кодов в урбанонимии: код ландшафтно-различительный, код социально-функциональный и код социально-символический. Для иллюстрации их особенностей воспользуемся далее примерами названий дореволюционного Екатеринбурга, поскольку это позволит лучше показать начальный период в формировании его топонимикона.

Ландшафтно-различительный код соответствует трансляции во внутренней форме топонима реальных отличительных признаков объекта, отражающих его природно-географические, физические свойства, такие как: особенности расположения, очертаний, природного окружения, рельефа местности и проч. Соответствующие мотивировочные признаки обнаруживаются, например, в именах улиц *Береговая, Дальняя, Заячий порядок, Крутая, Косой Порядок, Луговая, Набережная, Окружная, Крайняя, Подгорная, Проломская, Шарташская (в направлении оз. Шарташ), Чусовская (в направлении с. Чусовского)* и др.

Социально-функциональный код обусловлен связями объекта с социальной средой города и разными сторонами его хозяйствования и быта. Он предполагает передачу во внутренней форме топонима характеристик места, встроенного в социальную действительность — например, указания на жителей или особенности осуществляемой здесь деятельности, передачу тех или иных черт уклада или привычек повседневности, отражение прав собственности и проч. Спектр мотивировочной семантики в этом случае достаточно широк. Например, названия улиц *Архиерейская, Керженская, Солдатская, Офицерская* несут указание на тех, кто на них проживает, будь то влиятельная персона или социальная группа. Названия улиц *Госпитальная, Заводская* подчеркивают нахождение рядом либо в пределах локаций значимых для жизни города объектов. Имена площадей *Дровяная, Сенная, Хлебная, Щепная* прозрачно подсказывают, что за товар продается в этих местах.

Есть общее свойство топонимов, реализующих коды ландшафтно-различительный и социально-функциональный. Оно заключается в передаче реальных признаков объектов, что позволяет именам осуществлять идентифицирующую и ориентирующую функцию. Отличие заключается лишь в том, что в первом случае акцентируются природно-пространственные и физические качества места, а во втором — его социальные характеристики.

Принципиально иной ракурс осмысления пространства возникает при его истолковании в связи с действующими установками религии, политики, идеологии, искусства. В этих случаях более существенной оказывается не столько навигационная роль топонима, сколько его способность быть знаком-транслятором более сложной в идейно-смысловом отношении культурной информации. Следуя словам Ю. М. Лотмана о том, что «представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» (Лотман, 1992, с. 197), такой семантический код можно определить как социально-символический.

К примеру, имя храма, как и другие ойкодомонимы, служит различению строения, сооружения и в общем смысле «места». Но это место воспринимается в отличных от обыденности «координатах»: оно осознается как особое, сакральное пространство, и взаимодействие с ним переводит смысловую интерпретацию из «горизонталь» повседневной жизни в «вертикаль» высоких духовных ориентиров.

Для городской топонимии XVIII — первой половины XIX века именно названия религиозных объектов выступали главными носителями социально-символического кода. Не только храмовая архитектура, но и вербальные символы — имена церквей, соборов, монастырей — содействовали смысловому переключению «регистров» истолкования места. Важно, что наименование конфессиональных объектов неизменно обращается к религиозной истории, а мотивировка любого храмового имени воспроизводит почитаемые образы и знаковые сюжеты. Так имя становится ключом к напоминанию о религиозной событийности, к которой приобщается верующий³.

Другой вариант актуализации социально-символического кода представляет собой именование места в честь почитаемого лица, лиц или событий. Это топонимическое увековечивание, которое осуществляется в модальности уважительного превознесения объекта коммеморации и, по сути, представляет собой символическое подчеркивание высокой общественной ценности мемориальной информации.

В урбанонимии XVIII — начала XIX века этот вариант символизации занимает весьма скромное место. Тем не менее примеры проявления символической коммеморации можно обнаружить в старом Екатеринбурге. В 1824 году город удостоился своим визитом император Александр I, и в честь знаменательного события одна из улиц города позднее была наименована *Александровским проспектом*, а сооруженный поблизости мост получил название *Царского*.

Завершая разговор о культурно-семантических кодах и их экспликации в топонимии города, следует подчеркнуть, что приведенные разновидности не носят характера жестких или замкнутых схем. В реальном означивании они могут пересекаться, частично накладываться друг на друга, взаимодействовать и порождать переходные явления. Они не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга в качестве семиотических стереотипов, объективирующих определенные аспекты восприятия.

³ Даже по внешней форме конфессиональные имена — нередко это многокомпонентные конструкции с включенной формой родительного падежа — заметно отличаются от названий улиц и площадей, вырастающих из речевых описательных конструкций. Ср.: *Собор Успения Пресвятой Богородицы, Храм Вознесения Господня* и др. В устной речи многокомпонентные названия естественным путем сокращаются, и вырабатываются варианты, которые используются параллельно — Успенский собор, Вознесенский храм, Вознесенская церковь. Конструкция из сочетания отыменного прилагательного с существительным делает форму названия более удобной в произносительном отношении, но и не лишает храмовое имя его мотивировочной конфессиональной семантики. Более того, именно от устных речевых вариантов путем метонимического переноса далее образуются названия смежных улиц, проспектов, тупиков и переулков.

Перечислим некоторые из них: пространство предстает как предметная реальность, формирующая образ знакомой ландшафтной, в том числе архитектурной среды; как места и зоны текущей деятельности, диктующие стереотипы поведения; как тем или иным образом организованные формы, направляющие интерпретацию в область идеологических, эстетических, познавательных и прочих представлений (Голомидова, 1995, с. 22).

Специфика их реализации будет рассматриваться далее применительно к трем «матрицам» топонимического хронотопа столицы Среднего Урала: дореволюционного Екатеринбурга, советского Свердловска и Нового Екатеринбурга.

4. Образ города в топонимическом хронотопе

Екатеринбург (1723–1919)

Екатеринбург — город, который в настоящее время имеет статус столицы Среднего Урала, является административным центром Свердловской области и носит звание «Города трудовой доблести», — был официально основан в 1723 году. Датой его рождения считается 24 ноября — день, когда созданный по указу императора Петра I железодобывательный завод на реке Исети выдал свою первую продукцию.

Екатеринбург был образован в контексте той же идеологической программы формирования Российской империи, что и Санкт-Петербург, и создан в соответствии с общими идеями рационального подхода к планировке и обустройству городского пространства.

Первоначальный статус Екатеринбурга — город-завод. Его зерном и центром дальнейшего развития стала возведенная на берегах реки Исети и огородившая плотину крепость, которая дала жизнь новому, самому крупному на то время в России металлургическому предприятию. Здесь, на территории крепости, появились первые городские топонимы. Это имена *Екатерининского завода, церкви Св. Екатерины, Церковной площади и площади Торговой*.

Завод, церковь, площади — центральные объекты рукотворного ландшафта. Их имена соотношены в мотивировочном плане через обращение к имени Св. Екатерины и через указание на пространственную соположенность. Они образуют комплекс из знаков-индивидуализаторов для ядра городской территории.

Центру с наименованными локациями противопоставлялись периферийные зоны прилегающих поселений: их представляют названия *слобод Банной, Купецкой, Конюшенной, Лекарской, Подъяческой, Ссылной*, которые не получили внутренней, более подробной именной детализации.

Роль семантического стержня для всего именованного массива брало на себя название центральной транспортной артерии, дороги, проходившей через плотину, — *Главный проспект, или Главная перспектива, Большая Перспектива*. Нетрудно заметить, что внутренняя форма этого названия прозрачно передавала образ регулярной планировки.

Наконец знаками замкнутого — точнее, закрытого, но размыкаемого — пространства служили имена пяти крепостных ворот — *Красные*

ворота, Зелёные (они же Пороховые), Уктусские, Исетские и Мясницкие (ведущие в нарождающийся посад). «Ворота зададут направления роста городской застройки, откроют путь для образования будущих улиц и проездов» (Зорина, Слукин, 2005, с. 12).

Таким образом, исходный топонимический образ Екатеринбургa — города, ставшего одним из первых промышленных городов в истории России, предстает лаконичным, связанным по своим фрагментам, рациональным и подчиненным жизни заводского производства.

По мере дальнейшего развития городской территории появляются своего рода локальные центры, в ориентации на которые ведется называние новых объектов. В Екатеринбургe XVIII — первой половины XIX века такими точками напряжения, организующими вербальный пространственный облик города, стали наименования церквей: они регулярно используются в качестве основы для метонимических переносов, см.: *Богоявленская церковь — улицы Богоявленская 1 и Богоявленская 2; Вознесенская церковь — Вознесенский проспект, улица Большая Вознесенская, улица Верх-Вознесенская, Вознесенский переулок, Вознесенская площадь; Крестовоздвиженская церковь — улица Крестовоздвиженская; Ново-Тихвинский монастырь — улица Монастырская; Покровский придел Святодуховской церкви — проспект Покровский; Спасская церковь — улица Спасская; церковь Успения Божьей Матери — улица Успенская и др.*

Хорошо известно, что переносы, основанные на общем принципе пространственного соединения «церковная постройка — прилегающий пространственный объект», весьма типичны для ориентирующего топонимического означивания, и в этом отношении панорама Екатеринбургa не носит характера исключительности. Значительно более интересен структурный эффект, возникающий при регулярном повторении таких семантических сцепок: они организуют своего рода внутренний ритм, который задает равномерное «прочтение» пространства.

Другими опорными точками для метонимических переносов служат:

— названия природных реалий: *ключ Малаховский — Малаховский площадь; р. Мельковка — переулок Мельковский; р. Одиарка — улица Одиарка; р. Опалиха — улицы Опалихинская 1-я, Опалихинская 2-я; р. Уктус — пер. Уктусский 1-й, Уктусский 2-й, ул. Уктусская и др.;*

— названия объектов производства, управления, инженерно-технической, естественно-научной, образовательной деятельности: *Верх-Исетский завод — проезд Верх-Исетский, гимназия — Гимназическая набережная, казначейство — улица Казначейская, кузницы — ул. Кузничная (позже Кузнецкая и Кузнечная), магистрат — улица Магистратская, обсерватория — ул. Обсерваторская.*

Гармонизации образа города в XVIII — начале XIX века способствовало чередование имен линейных объектов и площадей в его центральной части, а стихийное стремление к связанности находило выражение в метонимическом назывании соседних локаций, ср.: *улицы Мельковские 1-я, 2-я, 3-я, 4-я; Береговые 1-я, 2-я; Восточные 1-я, 2-я; Ключевские 1-я, 2-я, 3-я, 4-я; Одиарки 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я.*

Приоритет той же ориентирующей функции обнаруживается в названиях крупных дорог, указывающих на пункты или зоны даль-

нейшего движения: *Верхотурский тракт* — в сторону Верхотурья, важного таможенного и торгового узла; *Сибирский проспект*, ведущий на восток, в Сибирь; *улица Московская / Московский тракт* — в сторону Москвы; *Оренбургский тракт* — в сторону южноуральского Оренбурга; *улица Березовская* — в сторону Березовского поселка и Березовского золотодобывающего рудника.

Однако стремление к строгости и стройности отнюдь не означало, что облик города приближался к идеальному. Непролазная грязь и сырость были вечным уделом низких участков, и лаконичным свидетельством тому служат народные названия: *Лягушка*, *Мокрая*, *Наземка* (от наземь — «навоз, тук»); *Отрясиха* (от «отряси нога»).

Что касается соотношения между семантическими кодами, то проясняет себя сбалансированность и почти равное участие всех моделей означивания.

Однако среди вариантов репрезентации социально-функционального кода обнаруживается крен в сторону, если можно так выразиться, «служебной» тематики. Ее напрямую реализуют названия административных зданий и заводов и фабрик: *Екатеринбургская гранитная фабрика*, *Екатеринбургская механическая фабрика*, *Горное управление*, *Горное училище* и др. Она поддерживается в метонимических именах смежных с деловыми объектами улиц, тупиков, проездов и переулков.

Некоторые улицы получали названия по фамилиям купцов или владельцев усадеб, чьи дома выделялись на фоне других построек: *улицы Колобовская*, *Коробовская*, *Расторгуевская*, *Симановская*, *Усолецевская*. Малочисленные в XVIII веке, они постепенно наращивают свое число. И только во второй половине XIX века, в пореформенное время, открывшее дорогу частному капиталу, количество урбанонимов, образованных от фамильных имен, будет прогрессировать.

Пространство личных интересов горожанина, его частной жизни в топонимах практически не представлено. Лишь отдельные факты — *улица Водочная* да *площади Веселая* и *Разгуляевская* (по названию кабака «Разгуляй») рисуют весьма непритязательную и безрадостную картину городского быта.

В целом образ города в урбанонимах XVIII — первой половины XIX века предстает как достаточно ритмично организованное пространство, обладающее чертами симметрии, правильными геометрическими формами, вписанными в неоднородный природный ландшафт; пространство, сочетающее функции управленческой, военной, промышленной и торговой деятельности; пространство, в котором пересекаются линии просвещенной (религиозной, управленческой) и простонародной культуры.

В период, последовавший за отменой крепостного права, Екатеринбург из «горного города» превращается в центр заводчиков, золото-промышленников и коммерсантов. Постройка железных дорог из Екатеринбурга на Пермь, Тюмень и Челябинск превратила город в крупный железнодорожный узел и в немалой степени способствовала оживлению и разнообразию экономической жизни. С ростом населения расширяется территория, значительно увеличивается число домов, дорог, проездов и производственных пространств, торговых и досуговых зон.

Каким изменениям подвергается урбанонимия? Во-первых, энергично идет ее количественное разрастание⁴. И это закономерно, поскольку с усложнением устройства и функций города, с развитием его хозяйственно-экономической, административной и правовой сфер потребность в официально закрепленных за объектами именами резко возрастает. То, что раньше могло существовать без имени как невыделенное, но всем известное, теперь требует своего наименования, задокументированного в плане, на карте, в списке, на табличке или на вывеске, в свидетельстве или иной канцелярской бумаге.

Во-вторых, происходит формирование имен новых тематических разрядов — урбанонимов, маркирующих пространственные объекты, где происходит разнообразная бизнес-активность. Уже недостаточно безликих обозначений «лавка», «мастерская» или «постоялый двор», и появляются в значительном количестве собственные имена магазинов и торговых компаний, мелких производств, столовых и чайных, банков и страховых контор, попечительских и благотворительных заведений. Все, что оказывается в сфере интересов частного капитала, стремится обзавестись именованным знаком идентификации и собственности.

Исторически сложившийся пространственный образ города продолжает оказывать структурообразующее влияние на формирование его нового объема, что находит выражение в сохраняющей свою актуальность центростремительности и в концентрации урбанонимов в центральной зоне города. По-прежнему поддерживаются на именованном уровне идеи симметрической пространственной организации (см., напр., номинативные параллели в именах улиц *Московская бульварная — Восточная бульварная*), но ритм распределения именованного материала изменяется в сторону неравномерного. Углубляется контраст между центром как пространством со значительной концентрацией урбанонимов и периферией, слабо наполненной именами собственными.

В сплетении семантических кодов все более заметным становится крен в сторону социально-функционального и социально-символического. Доминирование первого хорошо демонстрируют не слишком частые ранее, а в это время появившиеся в необычайном, если не сказать фантастическом, количестве имена — знаки собственности, несущие указание на субъектов владения или патронирования: *Детские ясли Благотворительного общества; Доходный дом Емельянова; Лечебница акушера Онуфриева; Концертный зал И. З. Маклеуцкого; Начальная школа Арнольдовой; магазин мужского платья А. Шалахина; Бумажный склад Михайловской; Типография Мерных, Краевой и К°; Торговый дом Второвых; Товарищество А. Печенкина и К°; Товарищество Ваганов и сыновья, магазин Агафуровых* и др. Имена владельцев, включенные в урбанонимы, работают

⁴ В книге исследователя Урала Никиты Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии», вышедшей в свет в 1804 году, приведено название 31 екатеринбургской улицы. В плане развития Екатеринбургa, утвержденном в марте 1845 года, насчитывалось 52 улицы. В 1889 году городской голова И. Симонов в издании «Город Екатеринбург» сообщал уже о 96 улицах (Артамонова, 2013).

на различие мест деловой активности, но одновременно демонстрируют и повышают статус самих хозяйственников. Ничего удивительного, поскольку новая буржуазная эпоха все более утверждает образ человека энергичного и предприимчивого.

Что же касается социально-символического кода, то в полном соответствии с динамикой городской культуры развивается вариант его реализации в виде условно-символического именованного. Мотивировочная семантика условно-символических имен не связана с прямыми характеристиками объектов, которые позволяли бы представить место расположения, сферу деятельности либо собственника. Мотивировка идет по пути ассоциативного развития, своего рода остранения либо украшения, и мотивировочные признаки условно-символических имен включаются в актуализацию неких отвлеченных или улучшенных, пожелательных свойств. Для их передачи, как правило, используются образные и абстрактные лексические мотиваторы, см.: *страховые конторы «Жизнь», «Якорь», «Саламандра», торговая компания «Волга», фабрика скляных изделий «Гера», магазины «Детский мир», «Лира», «Флора», «Проводник», «Рекорд»; театры и электротетатры, кинематографы «Комета», «Лоранж», «Свет» и др.*

Краткие и одновременно семантически емкие условно-символические имена привлекают внимание, стремятся взять на себя рекламирующие функции, а тенденция к их постепенному наращиванию свидетельствует о моде на номинативную эстетику, которая отвечает свежим веяниям в самом стиле городской жизни.

Духовное и практическое, эстетически ценное и утилитарное соединяются в отношении мест для массового «потребителя». Новейший оттенок именуемого смысла можно коротко сформулировать лозунгом «Да здравствует частная жизнь!» — ей принадлежат познавательные интересы (*книжные магазины «Мир», «Польза»*), вкусовые пристрастия (*магазин готовой одежды «Парижский шик», магазины «Китайский чай», «Немецкая колбасная»*), эстетические запросы (*кинематограф «Художественный»*) и модные формы досуга (*магазин «Спорт»*).

Условно-символические имена активно эксплуатируют образы иных пространств и культур и отсылают воображение и к масштабному пространству империи (*гостиница и ресторан «Россия»*), и к пространству инокультурному (*гостиницы «Американская», «Венеция», «Пале-Рояль», «Рим», кинотеатр «Коллизей»*), и к пространству экзотическому (*гостиница «Эрмитаж»*).

В итоге возникает эффект условного ментального развертывания пространственных границ: расширяется семантическая перспектива, заданная урбанонимами, и образы далеких культурно-географических реалий символически связывают город не только с просторами России, но и с более широкими пределами.

Если говорить об обобщенном топонимическом портрете, то в нем отражена роль города как промышленного и торгового центра на границе Европы и Азии, открытого для ближних и дальних контактов. Ему соответствует постепенно обновляемый топонимический текст,

который демонстрирует вырастание нового на фоне преобладающего традиционного, принимает некоторые западные заимствования через посредническое влияние столичной культуры и приобретает в итоге черты эклектики.

Свердловск (1919–1991)

Советский период принес городу новое имя – Свердловск, в честь председателя ВЦИК и главы исполнительной власти страны Я. М. Свердлова, чья партийно-революционная деятельность была связана с Уралом. Решение о переименовании городской Совет вынес 24 октября 1924 года, и в тот же день местные газеты вышли с приветственными заголовками «Да здравствует Свердловск!» Журналисты писали: «Питер получил от революции новое имя – Ленинград. Екатеринбург получит имя ближайшего ученика и соратника Ленина – имя Свердлова» (Сверчков, 2014).

Спустя три года напротив оперного театра, где проходило судьбоносное собрание горсовета, был установлен памятник Я. М. Свердлову, и коммеморативное имя города получило дополнение в изобразительной знаковой форме. Однако акт рубежной смены имен лишь подтвердил курс на радикальное преобразование городского текста – практические и весьма решительные его изменения начались несколько раньше.

Нужно сказать, что способность урбанонимов служить символами для утверждения актуальных ценностных ориентиров и вербального воздействия на общественное сознание начинает апробироваться уже в конце XIX – начале XX века⁵. И вполне закономерно, что бурные социальные потрясения 1917–1919 годов не могли не упрочить применение топонимов в качестве средства «высказывания» от любой власти, действующей в духе текущей общественно-политической ситуации.

Уже во время Гражданской войны на Урале весной 1919 года, когда Екатеринбург был занят войсками белогвардейской Сибирской армии и частями Чехословацкого корпуса, члены городского Культурно-экономического союза выступили с предложением «отметить заслуги чехословаков перед городом Екатеринбургом переименованием *Арсеньевского проспекта* в *Чехословацкий проспект*» (Чирков, 2020).

Однако к лету 1919 года военная обстановка изменилась, город был отвоеван Красной армией, и начался второй, после 1917 года, этап утверждения советской власти. Его сопровождала массовая кампания

⁵ Это подтверждают в первую очередь факты переименования, связанные с коммеморацией. Так, в 1899 году в связи с празднованием в Екатеринбурге 100-летнего юбилея А. С. Пушкина и проведением многочисленных торжеств улицу Соборную переименовали в улицу Пушкинскую (Зорина, Слукин, 2005, с. 137). В 1904 году улица Верхотурская была переименована в Арсеньевский проспект в знак почтения к пермскому губернатору Д. Г. Арсеньеву, участнику войны за освобождение Болгарии, который неоднократно бывал в Екатеринбурге. Сопроводительная формулировка к переименованию, выполненная почти в стилистике орденовской награды, сообщала: «за любовь и беспредельную доброту» (Чирков, 2020).

по изменению символов. Уже осенью 1919 года городской топонимический текст был радикально переписан: из существующих на то время почти 110 топонимов 49 названий для улиц и площадей претерпели замену⁶.

На каких направлениях сосредоточились изменения? Прежде всего были устранены все имена, так или иначе напоминавшие о религии. Далее следовали названия, отражавшие связь с социальным делением прежнего режима. Частично под каток переименования попадали и некоторые нейтральные в отношении политики названия — какие-то носили дублирующий характер, отличаясь от одноименных только порядковым номером; какие-то, очевидно, были оценены как недостаточно выразительные для прорисовки новой картины мира, в то время как места для закрепления нужных смыслов и образов на карте центральной части города были все-таки ограничены.

Подобно агитационным плакатам новые имена сообщали в публичное пространство идеи социального равенства и справедливости, чувствовали идеологов и лидеров международного коммунистического движения, напоминали о знаковых событиях, объединяющих всех трудящихся, воздавали дань памяти героям, отдавшим свои жизни за «правое дело». Позволим себе привести лишь некоторые из красноречивых примеров переименований 1919 года (табл. 1).

Таблица 1

Переименование топографических объектов Екатеринбурга в 1919 году

Новое название	Прежнее название
<i>ул. Вайнера</i> (Л. Вайнер — революционер, членом Екатеринбургского комитета РСДРП(б), погиб во время Гражданской войны на Урале)	<i>ул. Успенская</i>
<i>ул. Всеобуча</i>	<i>ул. 1-я Успенская</i>
<i>набережная Рабочей Молодежи</i>	<i>ул. 1-я Береговая</i>
<i>ул. Карла Маркса</i>	<i>ул. Крестовоздвиженская</i>
<i>ул. Клары Цеткин</i>	<i>переулок Вознесенский</i>
<i>ул. Карла Либкнехта</i>	<i>ул. Вознесенская</i>
<i>ул. Красноармейская</i>	<i>ул. Солдатская</i>
<i>проспект Ленина</i>	<i>Главный проспект</i>
<i>площадь Максима Горького</i>	<i>Симеоновская площадь</i>
<i>ул. Малышева</i> (в честь уральского большевика И. М. Малышева — красноармейца, погибшего во время Гражданской войны на Урале)	<i>Покровский проспект</i>
<i>ул. Матроса Хохрякова</i> (позже <i>Хохрякова</i> ; П. Хохряков — член исполкома Екатеринбургского Совета, руководитель городского штаба Красной армии, погиб во время Гражданской войны на Урале)	<i>ул. Тихвинская</i>
<i>ул. Народной Воли</i>	<i>ул. Монастырская</i>

⁶ Следующие волны переименований, пришедшиеся на 1930–1940-е годы, дополнительно почти стерли значительную часть топонимии дореволюционного Екатеринбурга (Чирков, 2020).

Окончание табл. 1

Новое название	Прежнее название
<i>ул. Октябрьской революции</i>	<i>ул. Коробовская</i>
<i>площадь Парижской Коммуны</i>	<i>Дровяная площадь</i>
<i>ул. Первомайская</i>	<i>ул. Клубная</i>
<i>ул. Пролетарская</i>	<i>ул. Офицерская</i>
<i>ул. Радищева</i>	<i>ул. Отрясихинская</i>
<i>ул. Розы Люксембург</i>	<i>ул. Златоустовская</i>
<i>ул. Сакко и Ванцетти</i>	<i>ул. Усольцевская</i>
<i>ул. Свердлова</i>	<i>Арсеньевский проспект</i>
<i>ул. Стеньки Разина (позже Степана Разина)</i>	<i>ул. Спасская</i>
<i>ул. Тверитина (в честь большевика В. Тверитина, погибшего во время Гражданской войны на Урале)</i>	<i>ул. Симеоновская</i>
<i>ул. Толмачева (в честь Н. Толмачева, члена Уральского областного комитета РСДРП(б), погибшего во время Гражданской войны на Урале)</i>	<i>ул. Колобовская</i>
<i>площадь Труда</i>	<i>Церковная площадь</i>
<i>площадь Уральских Коммунаров</i>	<i>Верх-Исетская площадь</i>
<i>ул. Февральской революции</i>	<i>ул. Ломаевская</i>
<i>ул. Шейнкмана (соратника Я. Свердлова, казненного в Казани во время Гражданской войны)</i>	<i>ул. Коковинская</i>
<i>ул. Энгельса</i>	<i>ул. Малаховская</i>
<i>площадь 1905 года</i>	<i>Кафедральная площадь</i>
<i>ул. 8 Марта</i>	<i>ул. Уктусская</i>

Итак, переименование символизировало закладку новой идентичности, а ее основные мировоззренческие посылы — Октябрьская революция как начало новой истории, гуманистическая ценность труда и труженика, героизм и священные жертвы борцов за новую жизнь — находят воплощение в измененном топонимическом тексте.

В советское время Свердловску был дан мощный импульс к развитию, заложенный уже в планах 1920—1930-х годов. В курсе на формирование одного из крупнейших индустриальных центров страны — «локомотива» металлургической промышленности и машиностроения — продолжилась «заводская» судьба города, но уже в иных масштабах, в ином темпе и наполнении.

На окраинных землях в ходе запуска новых заводов растут окружающие их соцгородки. Это поселения нового типа, «городки в городе», спланированные и обустроенные по обновленной науке и технике градостроительства, с рациональной поквартальной разбивкой и закладкой социальной инфраструктуры — объектов, связанных со здоровьем, обучением и досугом жителей. Так, вокруг «Уральского завода тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе» вырастает *Орджоникидзевский район* (по-народному *Уралмаш*).

Уралмашевские улицы, бульвары, проспекты, площади — широкие, удобные, хорошо озелененные — получили названия, всецело поддерживающие имидж образцового социалистического города: *Ильича, Ин-*

дустриальная, Культуры, Машиностроителей, Первой Пятилетки, Стахановская, Красных Борцов, Красных Партизан, Банникова, Орджоникидзе, Уральских Рабочих.

Сходная судьба у территорий соцгородков *Эльмаш* (рядом с заводами «Уралэлектроаппарат» и «Турбомоторный»), *Химмаш* (возле «Уральского завода химического машиностроения»), обновленный ВИЗ (возле исторического «Верх-Исетского металлургического завода»).

Особой ролью отличался *Втузгородок* – новый район, центр которого образовали здания и кампус Уральского политехнического института (УПИ) и корпуса Уральского филиала Академии наук СССР. На время своего создания Уральский политех объединял 10 втузов (высших технических учебных заведений), отсюда и произошло название всего района.

С 1930-х по 1960-е годы во Втузгородке разместили еще более десятка высших и средних профессиональных заведений. Поэтому имена улиц последовательно поддерживали специфику территории и ее особую атмосферу: *Академическая, Комвузовская, Комсомольская, Студенческая, Профессорская, Технологическая, Лобачевского, Лодыгина, Софьи Ковалевской.*

Со временем город окончательно утверждается как крупный промышленный, научный и культурный центр. Количество урбанонимов, созданных в это время, огромно. Рассмотрим, как обновляется топонимический портрет Свердловска и какие доминанты он репрезентирует. Смелые эксперименты в части планировочных, архитектурных, строительных решений воплотились в авангардном направлении конструктивизма, идеология которого способствовала появлению новых внутригородских коммун – «городков», «домов», объединявших жителей по принципу совместного труда либо быта или досуга.

Слово «дом» в это время расширяет свой семантический объем и начинает применяться как часть индивидуализирующего обозначения, передавая новую топографическую семантику. В Свердловске мы находим его применения в значениях:

– «место осуществления деловой активности организации»: *Дом контор, Дом обороны, Дом связи, Дом печати, Дом промышленности;*

– «место со специально обустроенными бытовыми условиями для разных групп граждан»: *Дом колхозника, Дом крестьянина, Дом специалистов, Дом старых большевиков;*

– «место просвещения и культурного проведения досуга»: *Дом актера, Дом пионеров и школьников, Дом науки и техники, Дом культуры металлургов, Дом культуры железнодорожников* и др.

У слова «городок» развилась своя урбанонимическая семантика. Если обозначение «соцгород» применяют в отношении новых районов и микрорайонов только в текстах описания, однако на карте и в самих именах оно не фигурирует, то *городок*, передавая идею объединения зданий, сооружений для выполнения комплексного назначения, «встраивается» в имена собственные.

«Городковые» имена возникают главным образом в тридцатые годы – время увлечения архитекторов идеями конструктивизма и футуристи-

ческими концепциями нового городского быта. «При этом не было единой точки зрения на сам архитектурно-планировочный тип нового жилища. Одни предлагали ориентироваться на рабочий поселок-коммуну... другие главную роль отводили комплексным домам-коммунам с обобществлением быта, третьи считали необходимым разработать переходный тип дома, который способствовал бы постепенному внедрению в быт новых форм» (Хан-Магомедов, 1975, с. 79). В Свердловске, где увлечение конструктивизмом было очень сильно, апробировались все подходы, и в результате появились «ведомственные» кварталы и жилые комплексы разной степени сложности. Как правило, здесь интегрировались в одном пространстве административные и жилые здания, учреждения для детей, места для бытового сервиса и для проведения досуга. Были построены *Первый* и *Второй городок Военведа* (военного ведомства), *Городок юстиции*, *Медицинский городок*, *Жилой комбинат НКВД*, получивший народное название *Городка чекистов*.

Сами укрупненные названия экспериментальных построек «*Фабрика-кухня*», «*Жилой комбинат*», «*Жилой дом Облсовета*» свидетельствуют о подчинении частного коллективному, рисуют микромоделли жизни, построенной на принципах коллективизма, и уподобляют город производственному механизму, чьим интересам служит его трудовое население.

За советский период топонимикон города увеличился в более чем 100 раз. К 1990-м годам на карте города зафиксировано свыше 1200 названий для улиц, переулков, проездов, площадей, бульваров, скверов, аллей, парков. Это огромный именной массив. Екатеринбургский лингвист Ю. А. Качалкова сделала подробное описание тех семантических моделей, которые действовали в разных именных разрядах (Качалкова, 2013). Используя далее ее наблюдения, мы перечислим лишь некоторые из моделей, представленных в самой многочисленной группе — группе названий-посвящений:

1. Мемориальные названия — посвящения отдельным лицам: а) деятелям революционного движения, героям революции и Гражданской войны, партийным и хозяйственным руководителям; б) деятелям науки и искусства (русским, советским, зарубежным писателям и поэтам, а также художникам, музыкантам, композиторам, певцам); в) героям Великой Отечественной войны; г) историческим деятелям России;

2. Коллективные посвящения: а) рабочим династиям; б) профессиям; в) социальным группам, объединенным теми или иными общими интересами; г) социально-возрастным группам; д) профессиям; д) республикам и народам СССР;

3. Посвящения природным объектам Урала и Советского Союза;

4. Посвящения городам и поселкам Урала;

5. Посвящения городам СССР и городам стран социалистического содружества;

6. Посвящения памятным и праздничным датам (Качалкова, 2013, с. 91–96).

Перечень весьма репрезентативен и свидетельствует о том, что доминирующую роль в топонимическом тексте советского времени иг-

рают социально-функциональный и социально-символический коды, причем нередко они объединяются, работая на трансляцию целостного смыслового «аккорда». Например, название *улицы Строителей* передает уважительное отношение к людям данной профессии и одновременно поддерживает мировозренческую идею ценности труда и труженика. Названия *улиц Грузинская, Латышская, Монгольская* не только отдают дань уважения адресатам посвящения, но и несут идею межнациональной дружбы.

Нельзя не упомянуть еще об одной топонимической новации, относящейся в последней трети XX в. Это условно-символические имена декоративного свойства. Они призваны вызывать приятные эмоции, положительные оценки, лирические, красочные либо абстрактные образы, см.: *переулок Лазурный, улицы Вишневая, Сиреневая, Звездная, Отрадная, Медовая* и т. п.

Некоторые из декоративных топонимов направлены на отражение черт местного колорита. Для Свердловска репрезентативной в этом отношении является тема богатства каменных недр Урала, и она достаточно подробно разрабатывается в городских названиях: *улицы Агатова, Аквамариновая, Алмазная, Аметистовая, Родонитовая, Топазовая, Хрустальная, переулки Изумрудный, Малахитовый, Тальковый, бульвар Самоцветный*.

Нужно сказать, что в целом заметное распространение в свердловской топонимии декоративные имена получают с 1960–1970-х годов при одновременном росте их популярности в сфере собственных имен для предприятий сферы торговли и услуг. Возможно, общая социальная «оттепель» дала в этом случае старт для отхода от жестких политических и идеологических установок и побудила к творческим поискам в области урбанонимического нейминга.

Если выводить образ Свердловска, представленный в его топонимическом отражении, то он предстает как территория мощной промышленной активности и город, прочно вписанный в историю Советского государства – его трудовую, военную, научную, инженерно-техническую, культурную, образовательную деятельность; город, поддерживающий единые для всего государства идеологические установки и культурные ценности советского народа.

Новый Екатеринбург (1991 – по настоящее время)

Современный Екатеринбург представляет собой мегаполис с населением около 1,5 млн человек. Это четвертая по величине агломерация России, третья среди наиболее развитых постиндустриальных агломераций наряду с Московской и Санкт-Петербургской.

Город обрел прежнее имя 24 сентября 1991 года и начал примерять его к своей постсоветской жизни. Одним из путей культурного «цитирования» прошлого и означивания связей с дореволюционным символическим капиталом могло бы стать восстановление части дореволюционной топонимии. Но, несмотря на бурные общественные обсужде-

ния, реконструкции дореволюционных названий не произошло⁷. Лишь отдельные топонимы — *улица Мельковская* и *Опалихинская* — были восстановлены на карте города. Кроме того, из топонимии убрали несколько имен наиболее одиозных личностей, а некоторые знаковые реалии сегодняшней общественно-политической жизни — коммеморация погибшей в 1918 году в Екатеринбурге царской семьи и увековечивание имени первого президента России Б.Н. Ельцина — получили, напротив, топонимическое развитие. Список переименований в новом Екатеринбурге весьма краток (табл. 2).

Таблица 2

Переименования в Екатеринбурге конца XX — начала XXI века

Новое название	Прежнее название
реконстр. <i>ул. Мельковская</i>	<i>ул. Жданова</i>
реконстр. <i>ул. Опалихинская</i> (по некогда расположенной в ее пределах <i>ул. Опалихинской</i>)	<i>ул. Каляева</i> (И.П. Каляев, революционер, эсер, участник террористических актов)
<i>ул. Данилы Зверева</i> (в честь известного уральского горщика)	<i>ул. Голощекина</i> (Ф.И. Голощекин — революционер, член Екатеринбургского комитета РСДРП(б); считается одним из организаторов расстрела царской семьи в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге)
<i>ул. Высоцкого</i> (в честь известного советского барда и актера Владимира Высоцкого)	<i>ул. Юровской</i> (Римма Юровская — организатор молодежного коммунистического движения на Урале и дочь Якова Михайловича Юровского, который был непосредственным руководителем расстрела семьи Романовых)
<i>ул. Бориса Ельцина</i>	<i>ул. 9 Января</i> (названная в память о событиях 9 января в Петербурге, известных как «Кровавое воскресенье»)
<i>ул. Царская</i> (отрезок <i>ул. Толмачева</i> , рядом с Храмом-на-Крови, построенным на месте дома Ипатьева, где в 1918 году были расстреляны отрешившийся царь Николай II и члены его семьи)	часть <i>ул. Толмачева</i>

Основной каркас топонимического ландшафта составляют имена, созданные в советское время. Продолжают свое действие в качестве

⁷ Хотя, на наш взгляд, историческую глубину центра города можно было подчеркнуть, вернув названия *Вознесенскому проспекту* (вместо *ул. Карла Либкнехта*), тем более что на нее выходит действующая в настоящее время *церковь Вознесения Господня*; *Екатерининской площади* (вместо *площади Труда*), поскольку рядом возведена и работает *часовня Св. Екатерины*; *Театральной площади* (вместо *площади Парижской Коммуны*), так как с прежним названием связан расположенный здесь Екатеринбургский государственный академический театр оперы и балета.

привычных номинативных схем закрепившиеся тогда же наиболее продуктивные семантические модели. В первую очередь это коммеморация с модальностью «в честь...», «во имя...», что не может не приводить к некоторой однообразности номинативных решений.

Однако в топонимических практиках дня сегодняшнего находят воплощение специфические черты современной социокультурной ситуации. Так, вместе с возрождением деятельности православной церкви возвращаются в городской текст имена соборов и монастырей, к сожалению, уже не имеющие семантической поддержки в названиях расположенных рядом улиц и площадей.

Обратимся к текущим топонимическим практикам и тем росткам нового, которые отвечают интересам продвижения территории. Не стоит видеть за словом «продвижение» сугубо экономические выгоды: они, конечно же, есть, но не менее важным оказывается формирование обновленного представления о городе у его жителей — формирование интереса, приверженности, самоидентификации — того, что связано с локальной идентичностью.

Среди городских топонимов быстро разрастается разряд ойкодомонимов — имен отдельных зданий и сооружений. Его активно пополняют имена бизнес-центров, торговых центров, жилых комплексов, и этот урбанонимический материал вносит в топонимический ландшафт новые характеристики и смыслы. Остановимся лишь на некоторых из них.

Екатеринбург сохраняет серьезные амбиции на лидерство не только в Уральском регионе, поэтому закономерно, что появление в центральной части города брендируемой территории — делового квартала *Екатеринбург-Сити* (названного по аналогии с *Москва-Сити* и *Лондон-Сити*) — представляет собой своего рода послание, демонстрирующее амбиции уральских игроков бизнеса.

В реализации проекта *Екатеринбург-Сити* сочетаются интересы власти и бизнеса, и показательно, что названия высотных офисных зданий в деловом квартале последовательно транслируют ключевые образы из представлений о городе в целом и о тех исторических деятелях, чьи властные полномочия и / или хозяйственная предприимчивость способствовали развитию территории: *бизнес-центры*, *башни «Исеть»*, *«Урал»*, *«Татищев»*, *«Де Геннин»*, *«Екатерина»*, *«Демидов»*.

В обойме имен небоскребов, которые, по замыслу авторов проекта, должны были сформировать высотную доминанту в центре города, хорошо просматривается действие условно-символической номинации. С ее помощью прорисовывается историческая глубина Урала промышленного и возвеличивается наследие дореволюционной деловой активности.

Коммерческая застройка не подчиняется муниципальным нормативным документам, регламентирующим именование пространственных объектов, и это обстоятельство изначально создает риски для появления нелепых либо претенциозных имен. Однако находятся и такие интересные решения, которые позволяют «вживить» новое в уже созданный топонимический ландшафт и, более того, сделать ярче стертую мотивировочную семантику давно существующих названий.

Интересный пример тому — жилой комплекс (ЖК) «*Квартал Художников*». Комплекс построен между улицами, которые носят имена художников — *улица Айвазовского* и *улица Серова*. Заданная этими именами живописная тема нашла продолжение как в архитектурном решении самого жилого здания, так и в дизайне его внутреннего пространства. В подъездах разместилась галерея портретов художников: И. Айвазовского, В. Серова, А. Саврасова, И. Шишкина, И. Левитана, А. Куинджи. В каждом подъезде — портрет художника и его изречение. Таким образом, ключевой мотив — тема живописи, отраженная в мемориально-символических названиях улиц, получила развитие в синкретическом соединении живописи и архитектуры и реализовалась в полисемиотическом локальном микротексте (Голомидова, 2019, с. 20–21).

В новом Екатеринбурге есть запрос на интеграцию исторического контекста в современное пространство, поэтому удачный нейминг может связать архитектурный и топонимический «антиквариат». Как это происходит в названии ЖК «*Макаровский*», расположенного возле Макаровского моста и Макаровской мельницы (построены в XIX веке). Строительство комплекса велось параллельно с капитальной реконструкцией *Макаровского моста*, а помещение *Макаровской мельницы* вошло в территорию жилого квартала. Сейчас на этажах реновированной мельницы расположились видовые пентхаусы с окнами на городской пруд. Зонтичное имя «*Макаровский*» в этом случае связало все знаки исторического и современного пространства.

Аналогично обстоят дела с названием «*Мельница*» для ЖК, включившего в свое пространство отреставрированное здание старинной мельницы *Борчанинова-Первушина*.

Семиотическое связывание фрагментов территории, исторические корни которого уходят в предшествующий опыт, в новейшее время продолжает блочное название, когда обширный район девелоперского освоения изначально создается в технологии брендинга, и общая его концепция поддерживается и развивается названиями улиц, бульваров и досуговых зон.

Современная урбанонимия Екатеринбурга демонстрирует популярность коммеморативного и условно-символического названия, но развернутого в большей степени к фактам региональной истории и культуры.

В топонимическом означивании сохраняется тенденция семантического «связывания» урбанонимов и создания семиотических ансамблей, в которых архитектурно-планировочный образ места завершается и дорисовывается именами собственными его объектов.

Топонимический текст представляет городское пространство динамичным, расширяющимся, быстро обновляемым, сочетающим знаки разных исторических слоев, которые могут диссонировать, но могут и дополнять и обогащать друг друга.

Образ города раскрывается в характеристиках мегаполиса, встроеного в жизнь региона и страны, открытого влиянию разных культур, обладающего сильными производственными традициями и одновременно трансформирующегося в сервисный и креативный глобальный

город. Отчасти его урбанонимический портрет содержит черты семиотической пестроты и противоречий, отчасти показывает постепенное обретение идентичности, в которой синтезируется прошлый и современный опыт.

5. Заключение

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что движение топонимического хронотопа обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. В то время как внешние факторы лежат на поверхности и напрямую диктуются условиями социальной жизни, внутренние факторы кроются в аккумулярующей способности самой топонимической системы накапливать и преобразовывать информацию. Внутри каждого из хронотопических срезов состояние топонимиконов не остается стабильным. Каждый виток сопровождается внутренним развитием и появлением вариантов, отклоняющихся от прежних моделей.

В топонимии дореволюционного города наблюдается развитие социально-функционального кода в сторону усиления коммеморации, в то время как социально-символический код продуцирует условно-символическую номинацию экспрессивного характера. Этот опыт сохранится в культуре и, несмотря на радикальную перестройку общественного сознания в советское время, будет продолжен в топонимических практиках.

Смещение посвящения и условно-символического именованья к концу советского периода развивает новые варианты именованья, которые несут в себе синкретичные смыслы. Они, в свою очередь, переходят по наследству в новейшее время и продолжают развитие уже в качестве инструментов вербально-имиджевого нейминга и активно сочетаются с невербальными знаковыми формами.

Образ Екатеринбурга в топонимическом тексте, движущемся на протяжении 300-летней истории города, развивается от частицы горно-заводской цивилизации к мегаполису, включенному в глобальные процессы. Однако сохранение в урбанонимах некоторых смысловых доминант прошлого свидетельствует об их значимости для формирования современной территориальной идентичности. Выраженная в топонимическом тексте, она показывает город в специфических свойствах его «уральскости».

Список литературы

Анисимов Н.О. Город в дискурсе семиотики // *Juvenis scientia: Философские и социологические науки.* 2018. №12. С. 33–35. <https://doi.org/10.32415/jscientia.2018.12.09>.

Артамонова И. Как менялись названия екатеринбургских улиц // *Областная газета.* 2013. 6 сент. URL: <https://www.oblgazeta.ru/society/12196/> (дата обращения: 09.09.2022).

Барбошина Н.В. Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2013.

Березович Е.Л. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 86–95.

Булгыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М., 2015.

Бурлина Е.Я. «Что ни город, то хронотоп». Пространственно-временная диагностика города // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №9 (63), ч. 1. С. 103–108. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.63.035>.

Голомидова М.В. Образ пространства и пространственный образы в названиях старого Екатеринбурга // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 19–25.

Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Вып. 6, №1. С. 11–30. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).11-30](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30).

Зорина Л.И., Слукин В.М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005.

Иванов А. Хребет России. М., 2022.

Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам (вып. 19). Тарту, 1986. С. 7–24.

Касаткина С.С. Взаимосвязь традиционного и системно-семиотического подходов к типологии городского пространства России в философской интерпретации // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. №6 (3). С. 195–198.

Качалкова Ю.А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. №1 (14). С. 88–104.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам (вып. 18). Тарту, 1984. С. 30–45.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Избр. статьи : в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 191–199.

Митин И.И. Место как палимпсест // 60 Parallel. 2008. №4 (31). С. 20–25.

Митин И.И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. №1. С. 108–125. <https://doi.org/10.31249/chel/2022.01.06>.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / под ред. А.В. Суперанской. М., 1988.

Сверчков Д. Почему 90 лет назад Екатеринбург превратился в Свердловск? // Комсомольская правда. 2014. 16 окт. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26296/3173845/> (дата обращения: 09.09.2022).

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.

Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 236–249.

Хан-Магомедов С.О. 1917–1932. Архитектура жилых зданий // Всеобщая история архитектуры. М., 1975. Т. 12, кн. 1 : Архитектура СССР. С. 78–97.

Чирков С. Нейминг города. Зачем улицы меняют имена // Городское медиа ЕТВ. 2020. 8 нояб. URL: https://art-oleg.blogspot.com/2020/11/blog-post_8.html (дата обращения: 09.09.2022).

Шарифуллин Б.Я. Языковое пространство: языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Бийск, 2007. С. 45–50.

Marin A. Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad / St. Petersburg // *Geopolitics*. 2012. Vol. 17, №1. P. 192–216. <https://doi.org/10.1080/14650045.2011.574652>.

Об авторе

Марина Васильевна Голомидова, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Россия.

Email: marinagolomidova@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0001-7951-9208

Для цитирования:

Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. Т. 14, №1. С. 29–53. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-2.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

EKATERINBURG – SVERDLOVSK – EKATERINBURG: THE CITY IMAGE IN THE DYNAMICS OF A TOPONYMIC TEXT

M. V. Golomidova

Ural Federal University,
16 Chapayev Str., Ekaterinburg, 620142, Russia
Submitted on September 09, 2022
Accepted on November 15, 2022
doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-2

The article is devoted to reflecting the image of a city in verbal data – topographic names. The author bases the research upon the ideas of the cultural-semiotic approach to city studies, upon the conception of a city as a text and palimpsest and sets the goal of investigating semantic changes in the toponymic text of Ekaterinburg examined in its historical dynamics. The main stages of modification of the Ural city toponymic image are characterized via the metaconcept of chronotopos. As a tool of linguocultural analysis per se, generalised onomasiological, semantic models, or cultural semantic codes, are used. These involve landscape-distinctive, social-functional and social-symbolic codes. The paper defines the specificity of the realisation of cultural semantic codes in the toponymy (urbanonymy) of Ekaterinburg relative to three chronotopic junctures determined by the city renaming landmark acts – Ekaterinburg, Sverdlovsk, Ekaterinburg. Topical meanings are revealed in the toponymic portrait of the city in different periods of its life. The changes that increase in the toponymy in the framework of one chronotopic juncture and contribute to the transference of a part of cultural experience to the next historic period are traced. In the image of Ekaterinburg represented in its toponymic text, traits of the city's territorial identity underpinned by its natural and geographical, economic and social factors are indicated.

Keywords: city image, toponymy, toponymic text, cultural semantic code, landscape-distinctive code, social-functional code, social-symbolic code, toponymic landscape, Ekaterinburg, Sverdlovsk

References

Anisimov, N. O., 2018. City in discourse of semiotics. *Juvenis scientia*, 12, pp. 33–35, <https://doi.org/10.32415/jscientia.2018.12.09> (in Russ.).

Artamonova, I., 2013. How the names of Yekaterinburg streets changed. *Oblastnaya gazeta* [Regional newspaper]. Available at: <https://www.oblgazeta.ru/society/12196/> [Accessed 15 November 2022] (in Russ.).

Baraboshina, N. V., 2013. *Khronotop malogo goroda: Buzuluk – kul'turnoe pogranich'e* [Chronotope of a small town: Buzuluk – cultural frontier]. PhD thesis. Saransk (in Russ.).

Berezovich, E. L., 1995. Toponymic space as a text. In: *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury. 1994* [Yearbook of the Scientific Research Institute of Russian Culture. 1994]. Ekaterinburg, pp. 86–95 (in Russ.).

Bulygina, E. Yu. and Tripol'skaya, T. A., 2015. *Yazyk gorodskogo prostranstva: slovar', karta, tekst* [The language of urban space: dictionary, map, text]. Moscow (in Russ.).

Burlina, E. Y., 2017. "So many cities so many chronotopes". Spatial-temporal diagnostics of the city. *International Research Journal*, 09 (63), pp. 103–108, <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.63.035> (in Russ.).

Chirkov, S., 2020. Naming of the city. Why do streets change names. *Gorodskoe media ETV* [Urban Media ETV]. Available at: https://art-oleg.blogspot.com/2020/11/blog-post_8.html [Accessed 15 November 2022] (in Russ.).

Golomidova, M. V., 1995. The image of space and spatial images in the names of old Yekaterinburg. In: *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury. 1994* [Yearbook of the Scientific Research Institute of Russian Culture. 1994]. Ekaterinburg, pp. 19–25 (in Russ.).

Golomidova, M. V., 2019. Urbanonyms as a resource of management of urban space perception. *Communication Studies (Russia)*, 6 (1), pp. 11–30, [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).11-30](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30) (in Russ.).

Ivanov, A., 2022. *Khrebet Rossii* [The Backbone of Russia]. Moscow (in Russ.).

Ivanov, Vyach. Vs., 1986. Towards the Semiotic Study of the cultural history of the Big City. *Trudy po znakovym sistemam (Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 720)* [Sign Systems Studies (Scientific letters of The University of Tartu. Issue 720)]. Tartu, pp. 7–24 (in Russ.).

Kachalkova, Yu. A., 2013. Urbanonymic space of contemporary Ekaterinburg (official names). *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1 (14), pp. 88–104 (in Russ.).

Kasatkina, S. S., 2015. The relationship of traditional and systemic-semiotic approaches to the typology of urban space of Russia in philosophical interpretation. *News of Higher Schools. Series "Humanities"*, 6 (3), pp. 195–198 (in Russ.).

Khan-Magomedov, S. O., 1975. Architecture of residential buildings. 1917–1932. In: N. V. Baranov, ed. *Vseobshchaya istoriya arkhitektury. Tom 12. Kniga peraya. Arkhitektura SSSR* [General history of architecture. Volume 12. The first book. Architecture of the USSR]. Moscow, pp. 78–97 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1984. The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city. In: *Trudy po znakovym sistemam. Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury*. [Sign Systems Studies. Semiotics of the city and urban culture], 18. Tartu, pp. 30–45 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1992. A symbol in the cultural system. In: Yu. M. Lotman, ed. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Selected articles in three volumes. Vol. 1. Articles on semiotics and topology of culture]. Tallinn, pp. 191–199 (in Russ.).

Marin, A., 2012. Bordering Time in the Cityscape. Toponymic Changes as Temporal Boundary-Making: Street Renaming in Leningrad/St. Petersburg. *Geopolitics*, 17 (1), pp. 192–216, <https://doi.org/10.1080/14650045.2011.574652>.

Mitin, I. I., 2008. Place as Palimpsest. *60 Parallel*, 4 (31), pp. 20–25 (in Russ.).

Mitin, I. I., 2022. City as palimpsest: from a metaphor within Historical Geography towards a semiotic model of place management. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 1 (49), pp. 108–125. <https://doi.org/10.31249/chel/2022.01.06> (in Russ.).

Podol'skaya, N. V., 1988. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Sharifullin, B. Ya., 2007. Language space: language life and the communicative environment of the city. In: *Yazyk goroda: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The language of the city: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Biysk, pp. 45–50 (in Russ.).

Sverchkov, D., 2014. Why did Yekaterinburg turn into Sverdlovsk 90 years ago? *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda]. Available at: <https://www.ural.kp.ru/daily/26296/3173845/> [Accessed 15 November 2022] (in Russ.).

Toporov, V. N., 2003. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [The Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg (in Russ.).

Uspenskii, B. A. and Lotman, Yu. M., 1976. Echoes of the concept of “Moscow the Third Rome” in the ideology of Peter the Great (on the problem of medieval tradition in Baroque culture). In: *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)* [The cultural heritage of Ancient Russia (Origins. Becoming. Traditions)]. Moscow, pp. 236–249 (in Russ.).

Zorina, L. I. and Slukin, V. M., 2005. *Ulitsy i ploshchadi starogo Ekaterinburga* [Streets and squares of old Yekaterinburg]. Ekaterinburg (in Russ.).

The author

Dr Marina V. Golomidova, Professor, the Department of Foreign Languages; Professor, the Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Email: marinagolomidova@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0001-7951-9208

To cite this article:

Golomidova, M. V., 2023, Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: the city image in the dynamics of a toponymic text, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, no. 1, p. 29–53. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-2.

